

CHRONICLE
Review
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ
Рецензии

Научная статья
УДК 93/94(31+510):(063)
<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-2-527-544>

Исторические науки

**LX Ежегодная международная конференция
«Рериховские чтения» «Текст и смыслопорождение
в культуре. Древняя и средневековая Индия
и Центральная Азия»**

Елена Валерьевна Тюлина

*Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
tyulina57@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1758-8990>*

Аннотация. В статье дан обзор Рериховских чтений, ежегодной конференции, посвященной памяти Ю. Н. Рериха, в которой традиционно участвуют исследователи, чьи научные интересы соответствуют основным направлениям деятельности этого выдающегося ученого. Большинство докладов представляли собой оригинальные исследования по малоизученным областям культуры, филологии, философии, искусства Тибета, Индии и других стран, связанных с этим ареалом. Так же, как и в прошлом году, доклады были объединены общей темой «Текст и смыслопорождение в культуре». Исследуя материал древних и средневековых подлинных текстов, докладчики касались разнообразных теоретических проблем, связанных с формированием культуры и с особенностями порождения, трансляции и функционирования текста.

Ключевые слова: тибетология; индология; перевод и интерпретация текстов; Ю. Н. Рерих

Для цитирования: Тюлина Е. В. LX Ежегодная международная конференция «Рериховские чтения» «Текст и смыслопорождение в культуре. Древняя и средневековая Индия и Центральная Азия». *Ориенталистика*. 2021;4(2):527–544. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-2-527-544>.

Original article
<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-2-527-544>

History studies

LX George Roerich Annual International Meeting (Ancient and Medieval India and Central Asia: Text and the Genesis of Notions and Meanings in Culture)

Elena V. Tyulina

*Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
tyulina57@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1758-8990>*

Abstract. The article offers a review of the George Roerich Annual International Meeting, the conference dedicated to the memory of G. N. Roerich. Traditionally, there par-

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ticipate the scholars whose research interests correspond to the main areas of activity of George Roerich (russ.: Yurii Nikolaevich Rerikh 1902–1960), the outstanding scholar, artist and traveller. Most of the contributions are original studies on the little-studied areas of culture, philology, philosophy, and art of Tibet, India, and other countries associated with this area. Similarly to the last year, the contributions were united under a joint title “Text and the Genesis of Notions and Meanings in Culture”. While exploring the material of ancient and medieval authentic texts, the speakers dealt with a variety of theoretical problems related to the formation of culture and the specific features of the generation, translation and functioning of the text.

Keywords: Tibet, studies; Indology; Texts, Tibetan, translation of; Texts, Indian, translation of; Roerich, George [Rerikh, Yurii Nikolaevich] 1902–1960

For citation: Tyulina E. V. LX George Roerich Annual International Meeting (Ancient and Medieval India and Central Asia: Text and the Genesis of Notions and Meanings in Culture). *Orientalistica*. 2021;4(2):527–544. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-2-527-544>.

14–16 декабря 2020 г. в Институте востоковедения РАН состоялись LX Рериховские чтения. Они были посвящены 60-летию со дня смерти выдающегося отечественного востоковеда Юрия Николаевича Рериха (1902–1960). Впервые чтения были проведены в онлайн-формате. На конференции было сделано 30 докладов, охватывающих широкий круг проблем, связанных с изучением первоисточников: в основном древних и средневековых текстов, произведений искусства и архитектуры. Доклады были объединены общей темой: «Текст и смыслопорождение в культуре. Древняя и средневековая Индия и Центральная Азия». С вступительным словом от организаторов конференции выступила В. В. Вертоградова (ИВ РАН, Москва). Она сообщила, что в 2020 г. Рериховские чтения потеряли шесть своих постоянных участников и коллег: индолога-дравидолога, специалиста по истории тамильской литературы А. М. Дубянского; индолога, специалиста по раннебуддийским текстам Д. И. Жутаева; филолога, специалиста по тибетскому и китайскому языкознанию И. Н. Комарову; историка, специалиста по древней Индонезии, иранистике и скифологии С. В. Кулланду; филолога, специалиста по индийской литературе М. А. Русанова; историка, китаиста В. М. Яковлева. Присутствующие почтили их память минутой молчания.

В начале конференции по традиции выступали ученые, занимающиеся **исследованием истории и культуры Тибета**. Ю. И. Елихина (Государственный Эрмитаж, СПбГУ, Санкт-Петербург) в докладе «Некоторые танки из собрания Ю. Н. Рериха. Новые исследования» рассказала о коллекции произведений буддийской живописи Ю. Н. Рериха, которую он начал собирать в Центрально-Азиатской экспедиции, организованной его отцом Н. К. Рерихом в 1923 г. Более подробно она остановилась на танке с изображением Будды, происходящей из квартиры Ю. Н. Рериха на Ленинском

проспекте в Москве и проданной на аукционе в 2015 г. На ней изображен Сувикранта Джина, т. е. «Победитель Очень совершенный покровитель», один из тридцати пяти будд покаяния. Этот образ оказал большое влияние на семью Рерихов. Он появляется на фронтисписе книги Е. И. Рерих «Основы буддизма», изданной в 1927 г. Именно его Н. К. Рерих использовал для создания ордена Будды Всепобеждающего для Далай-ламы XIII в 1926 г. Его мы видим также и на картине Н. К. Рериха «Ригден Джапо – Владыка Шамбалы» или «Великий Всадник, Грядущее», относящейся к 1927 г.

Доклад «Кангдзей: “Подношения гневным божествам”» Е. Д. Огневой (ИВ НАН Украины, Киев, Украина) был посвящен танке из Кабинета Рериха (ИВ РАН, Москва), относящейся к одному из жанров тибетской живописи, когда изображаются не персонажи пантеона, а подношения им. В данном случае они предназначены гневным божествам. Такого рода танки могут находиться в храмах, посвященных божествам защиты, или *дхармапалам*. На танке представлены *торма* – разновидности жертвенных подношений персонажам пантеона. Танки с таким содержанием, но различающиеся адресатами, представлены в Рериховских коллекциях Эрмитажа, Государственного музея Востока и Кабинета Рериха. Докладчица рассказала о художественных достоинствах этой танки, являющейся примером живописного мастерства безымянного мастера.

А. Н. Бабин (ГИИ, Москва) доклад «Две танки из собрания И. П. Минаева (МАЭ РАН, Санкт-Петербург) и традиция странствующих рассказчиков (*лама манипа*) в Гималайском регионе» также посвятил особенностям тибетской живописи. Он отметил, что в уходящем году исполнилось 180 лет со дня рождения И. П. Минаева и 130 лет со дня его кончины. Изучая наследие этого ученого, докладчик обратил внимание на две танки (№ 226-81 и № 226-82), приобретенные в марте 1886 г. в монастыре Карма Дордже Чолинг (Бхутиа Басти), Дарджилинг. Иконографический анализ показал, что они связаны с бытованием в Тибете и Гималайском регионе традиции странствующих рассказчиков, называемых *бучен* или *лама манипа*. Данная традиция имела довольно широкое распространение в Тибете еще на рубеже XIX–XX вв., однако к настоящему времени она сохранилась только в Гималайском регионе, в Бутане и Химачал-Прадеше. Связанный с ней «Обряд разбивания камня» был описан Ю. Н. Рерихом в одноименной статье [1]. Результаты исследования, которым был посвящен доклад, могут стать отправной точкой для изучения этой угасающей традиции и ее сохранения.

Б. У. Китинов (ИВ РАН, Москва) выступил с докладом «“Во отдаленном краю границы пребывающий, исповедуя веру манджушринову”»: о буддийском дискурсе в калмыцкой политике императора Юнчжэна (1723–1735 гг.)». Он рассказал об особенностях маньчжуро-калмыцких переговоров этого времени. Источником для доклада послужили документы, связанные с деятельностью цинских посольств и посольства

калмыцкого правителя Церен-Дондука [2]¹, которого императрица Анна Иоанновна своим указом от 17 февраля 1731 г. назначила ханом. Доклад в основном был посвящен анализу писем от императора Юнчжэна к Церен-Дондуку, и к нему же от Далай-ламы, а также указу императора Юнчжэна по результатам переговоров с калмыцкими посланниками. Эти документы, написанные в один период, свидетельствуют о понимании императором Юнчжэном важности буддийского дискурса и фигуры Далай-ламы в его политике по отношению к калмыкам. Император, благодаря своему духовному авторитету, имел возможность влиять в религиозной сфере на калмыков и непосредственно, и через Далай-ламу – т. е. он обладал такими средствами воздействия (самое существенное – утверждение себя как *чакравартина*), которых были лишены русские власти.

Доклад «Отражение монгольских имперских идей в тибетской историографии» Ю. И. Дробышева (ИВ РАН, Москва) был сделан на основе тибетских источников, которые сохранили исключительно ценные, подчас уникальные сведения о некоторых гранях имперской идеологии средневековых монголов. Круг вопросов, к которым проявляли интерес тибетские авторы и который также имеет значение для раскрытия заявленной темы, включает следующие сюжеты (в порядке их хронологии), обычно повторяющиеся в различных источниках: вымышленный поход Чингис-хана в Тибет и его беседы с ламами (1206 или 1207 г.); вторжение в Тибет Дорда-дархана (1239 или 1240 г.); контакты внука Чингис-хана Годана с Гунга-Джалцаном (Сакья-пандитой) (1244–1251); история взаимоотношений основателя династии Юань в Китае Хубилая с Пагба-ламой (1253–1280). Тибетские источники не столько отражают монгольскую имперскую идеологию, сколько демонстрируют распространение тибетских идей при дворах монгольских центральных и региональных правителей, адаптацию юаньскими *хаганами* концепции «двух правлений» (светского и религиозного), а также как посмертное, так и прижизненное включение высшей монгольской элиты в буддийский пантеон. Вместе с тем они содержат информацию о собственно монгольских взглядах на мир и на самих себя, во многом перекликающуюся и дополняющую ту, которая обнаруживается в синхронных источниках других стран.

В докладе «Ю. Н. Рерих о кочевниках Тибета» А. М. Шустова (ИВ РАН, Москва) отметила, что Ю. Н. Рерих одним из первых поставил вопрос о необходимости развивать научное направление, связанное с изучением древних и современных кочевых племен. В 1925–1928 гг. во время Центрально-Азиатской экспедиции его отца Н. К. Рериха он проводил

¹ Неопубликованные документы из Архива внешней политики Российской империи МИД РФ, Москва, Россия: АВПРИ. Ф. 62. Оп. 62/1. Д. 12. 1731–1732; АВПРИ. Ф. 62. Сношения России с Китаем. Оп. 62/1. Д. 9. 1731; АВПРИ. Ф. 62. Оп. 62/1. Д. 11. 1731; АВПРИ. Ф. 119. Оп. 119/1. Д. 18. 1732–1735; АВПРИ. Ф. 119. Оп. 119/1. Д. 33. 1737; АВПРИ. Ф. 119. Оп. 119/1. Д. 41. 1737–1741.

исследования кочевников Тибета. В основном его интересовало древнее прошлое тибетских племен. Рерих сделал описание различных кочевых племен Тибета и выделил важные характеристики их древней культуры [3; 4; 5]. Это искусство звериного стиля; мегалиты в погребениях; древняя религия бон с почитанием сил природы; воинственность как особая этнопсихологическая черта; оружие в виде длинных мечей и тяжелых копий; способ ведения боя с помощью ударной тактики конных дружин; почитание героев, отраженное в эпосе о Гэсэре. Открытие Рерихом искусства звериного стиля у кочевников Тибета отодвинуло южную границу его распространения до северных склонов Трансгималаев. По мнению докладчицы, результаты исследования тибетских кочевников Рерихом до настоящего времени остаются уникальными.

Несколько докладов их авторы посвятили **истории распространения буддизма и особенностям его восприятия в разных странах**. А. Г. Люлина (ИВ РАН, Москва) в докладе «Происхождение китайского иероглифа 佛 “фо” (Будда, буддизм)» исследовала этимологию данного знака и показала, что он встречался в даосских и конфуцианских трактатах (VI в. до н. э.) задолго до распространения буддизма в Китае. Вероятно, основным фактором использования иероглифа 佛 для перевода санскритских понятий «Будда» и «буддизм» является не столько фонетическая транслитерация, сколько морфология самого иероглифа и его интерпретация в ранних текстах: а) невидимый, непостижимый; б) отрицание, неприятие, отторжение; в) чувственность, сознание (觉). Этот ряд значений коррелирует с идеей «отказа, отрицания» в буддизме, отражает неприятие буддийского учения конфуцианцами, соотносится с даосской идеей самосознания, а также отражает особенности формирования чань-буддизма. В китайском языке простой и узнаваемый иероглиф 佛 в многообразии своих значений передает культурно-исторические особенности адаптации буддизма в Китае – проблемы перевода буддийских сутр и донесения учения до народа, восприятия идеи монашества, понимания «будды» как божества в целом, и других концепций, чуждых традиционной китайской культуре и мировоззрению.

Н. В. Александрова (ИВ РАН, Москва) в докладе «*Rddhi* и священные следы прошлого: чудо в картине мира буддиста-паломника» показала, что рассказы о чудесах занимают видное место в тексте сочинений китайских паломников, посетивших Индию в V–VII вв. Роль «чуда» в мирозерцании буддийского паломника и текстовой ткани его сочинения выглядит также и структурно обусловленной: можно проследить определенную системность во «встраивании» рассказов о чудесах в общую конструкцию текста. Будучи связанными с различными сакральными объектами, к которым приковано внимание почитателя, эти рассказы образуют с ними устойчивые соотношения – каждому разряду святынь (ступа, статуя, пещера и т. п.) соответствуют «свои» сюжеты о чудесном. Очевидная функция

«чудес», маркирующих места событий сакрального прошлого, заключается в характерном для мифологического мышления «преодолении» временной протяженности, разделяющей прошлое и настоящее. Чудесные явления связывают последователя учения с сакральным временем предания, включают его в зону притяжения сакральных деяний, имевших место в давние времена, дают возможность осязаемо почувствовать воздействие прошлого. В этом воздействии решающее значение имеет признаваемая адептом степень святости вершителя старинных деяний, степень приближения его к миру истинного. Это обладание «сверхъестественными способностями» (*rddhi*) – одна из тем, на которых сосредоточено внимание также и в сюжетных повествованиях паломника.

Доклад Е. С. Лепеховой (ИВ РАН, Москва) «Интерпретация датировки появления буддизма в Японии в традиционных источниках и храмовых хрониках *энги*» был посвящен проблеме определения точной даты появления буддизма в Японии. В исследованиях хронологии событий, сопровождавших появление в Японии новой религии, чаще всего приводятся две версии. Первая основывается на записи в летописи «Нихон сёки» («Анналы Японии») и относит первые сведения о буддизме к 552 г. Вторая версия, представленная главным образом в храмовой хронике *энги* «Записи об основании монастыря Гангодзи и сокровищах, ему принадлежащих» (元興寺伽藍縁起并流記資財帳) и в «Повествовании об императоре Закона Сётоку из верхнего дворца» (上宮聖徳法王帝説), указывает на 538 г. Однако последние исследования современных японских ученых подвергают сомнению подлинность этих двух дат. На основании других данных, упоминаемых в «Нихон сёки», в докладе была высказана версия о появлении буддизма в Японии в середине VI в. и его распространении преимущественно в среде китайских и корейских мигрантов с материка, которым покровительствовал аристократический род Сога.

Языкознание на чтениях было представлено докладом А. А. Смирнитской (ИВ РАН, Москва) «Модели мотивации понятий “муж” и “жена” в дравидийских языках». Она провела анализ значений «муж» и «жена» в тамильском языке, каннада, телугу и других дравидских языках и пришла к ряду выводов. Значения этих слов примыкают к терминам родства по браку (свекор, свекровь и т. д.) и родства по крови, но с точки зрения динамики значения отличаются от них. Современные термины в основном перифрастические – восходят к моделям, описывающим один из типов мотивации. В языках существует либо основной термин, как правило, заимствованный, либо пара терминов – заимствованный и «родной». Существующий материал не дает возможности реконструировать общего предка в прадравидийском языковом состоянии. Докладчица предположила, что это происходит потому, что на праязыковом уровне: 1) не было индивидуального брака, был групповой брак; 2) существовали табу на прямое название супруга; 3) были другие стратегии номинации. В конце

выступления докладчица отметила, что это не окончательные выводы – данное направление требует дальнейшего исследования, особенно в том, что касается древнейшей семантики.

На чтениях выступили несколько исследователей, изучающих **индийскую философию**. В докладе *В. Г. Лысенко* (ИФ РАН, Москва) «Проблемы атомизма по “Вимшике” Васубандху и “Аламбана-парикше” Дигнаги» были проанализированы критика и опровержение атомизма двумя индийскими буддийскими философами – Васубандху (V–VI вв.) и его учеником Дигнагой (V–VI вв.). Васубандху понятие о несуществовании скоплений атомов выводит из недоказанности существования атомов как таковых. Дигнага же в «Аламбана-парикше» критикует атомистические учения, исходя из двух критериев познавательного объекта, которые предлагаются самими реалистическими школами: 1) объект должен породить свое познание (каузальный критерий) и 2) объект должен отражаться в познании, иметь его форму (*акара*) (репрезентативный критерий). Докладчица выделяет две модели атома, которые используют буддийские философы в своих атомистических доктринах: качественную (атом – минимальный набор восьми чувственных свойств, или *самгхата-параману*) и визуальную (атом – мини-сфера, помещенная в систему пространственных координат), и показывает, что для критики атомизма и Васубандху, и Дигнага используют преимущественно визуальную модель как более наглядную и отвечающую буддийскому критерию соответствия учения наблюдаемому опыту (*пратьякша*).

Н. А. Канаева (ВШЭ, Москва) в докладе «Что отличает индийскую эпистемическую культуру от западной?» выделила целый ряд отличий между индийской и западной культурными практиками, целью которых является производство, фиксация и трансляция знаний. Одной из особенностей индийской эпистемической культуры докладчица считает существование представления о сакральности всех видов знания, использование мифологем как аргументов для обоснования истинности высказываний. Принятие в ортодоксальных системах представления об изначальном существовании «священного знания» (*веда*) в непонятной, нерасчлененной форме привело к закреплению «высшего знания» в качестве универсалии индийской культуры. Иным стало в Индии и представление об истине: там отсутствовала установка на единую, абстрактную и абсолютную истину, выразимую словесно. Специфическим также стало признание более высокого статуса сверхчувственных и сверхразумных познавательных способностей, чем статус интеллектуальных способностей и способностей восприятия. При этом цели познания оказались подчинены цели освобождения из сансары. Однако, по мнению докладчицы, разнообразие диалектических приемов обоснования знаний и использование таких операций мышления как дефиниция, классификация, стратификация и обобщение в правилах, представленных в теоретических брахманистских

текстах, сочинениях джайнов и буддистов, демонстрируют гораздо больший вес интеллектуального дискурса в познавательной деятельности в Индии, чем декларировался в индологической литературе.

В докладе «Нищета онтологии. Или о некоторых основных понятиях *пратъябхиджни*» С. Ч. Офертас (ИВ РАН, Москва) поставил вопрос о возможности философии без понятия «бытие», показав также, что и понятие «сознание» в этой философии также отсутствует. Он пришел к выводу, что «в нашей культуре, европейской, понятие “бытие” добывается из представлений, которые основываются либо на словах, означающих “имущество”, “наличие”, либо на глагольной связке “есть” – “Это есть то-то”. В санскрите же такая связка опускается. На месте европейского “быть” или “существовать” возникает зияние. Так что “бытие” началом для философии быть не может. Как и любое представление оно ненадежно. Онтология для Индии бессмысленна. При начале философии мы, в этом зиянии, можем опереться только на некую возвратность своего являющего внимания, которое не только являет, но и сопоставляет всё являющееся и уже явленное в некое единое “Ты сам”, которому ни бытие, ни небытие приписывать нельзя».

Ряд докладов был посвящен **индийскому искусству и архитектуре**. Д. Н. Воробьева (ГИИ, Москва) в докладе «Шива Саптасварамурти из Пареля. Иконография, интерпретации, параллели» рассказала о найденном в 1931 г. скульптурном образе Шивы, за которым закрепилось название «Саптасварамурти», т. е. «Господин семи нот». Эта скульптура осталась незавершенной, ее датируют VII в. Она во многом представляет загадку для исследователей, так как нет ни описания подобной иконографии в трактатах, ни другой сходной композиции в индийском искусстве. Докладчица привела ряд аргументов и сторонников, и противников мнения, что это изображение Шивы как «Господина семи нот», а также рассказала о некоторых параллелях с изображениями, в которых образ персонажа, как и в исследуемой скульптуре, воспроизводится при помощи нескольких равнозначных фигур, составляющих единую композицию (североиндийские вишнуитские образы Вишварупы, рельефы, посвященные Авалоки-тешваре в храмовом комплексе Аурангабад).

Доклад Е. О. Кузиной (ГИИ, Москва) «Антропоморфная образность “игры знания”: телесная метафора и метафора путешествия» был посвящен изображениям на поле этой индийской настольной игры, которые отражают представления о мироздании как о целостности и родственны изображениям Локапуруши – мирового колосса в джайнской мифологии. На расчерченном поле последовательно расположены квадраты – *локи* (от санскр. «мир»), которые связываются между собой различными инструментами – стрелами, змеями и лестницами. В самой верхней точке располагается «надстройка» в виде дворца или, в джайнской традиции, головы Локапуруши, символически выражающая небесную сферу. Цель

игры – достигнуть высшей клетки. Докладчица показала, что джайнское изображение игрового поля близко иконографии вайшнавских *бхакти*, что свидетельствует о тесном контакте между двумя традициями. Это дает возможность предположить, что «игра знания» была синхронно адаптирована ими обеими.

В докладе *Е. В. Тюлиной* (ИВ РАН, Москва) «Некоторые особенности текстов по *вастувидье* в пуранах и их интерпретация в современной массовой культуре» было продемонстрировано, насколько положения *вастувидьи* (древнеиндийской науки о строительстве) отличаются от современного учения, называющего себя *вастувидьей* и ставшего невероятно модным во всем мире, в том числе и в России. Докладчица показала, что древние и средневековые тексты по *вастувидье*, на которые ссылаются современные адепты, совсем не были связаны с массовой культурой. Они создавались не как инструкции для строительства и дизайна, а как теоретические произведения, в которых знание профессиональных строителей переосмыслилось с точки зрения общих положений индуизма. Существенно и то, что трактаты по *вастувидье* в пуранах в основном состоят совсем не из строительных, а из ритуальных текстов – в них описываются обряды, совершавшиеся до, во время и после строительства. Именно такого рода тексты оказались переосмыслены нынешними «ревнителями» индийской культуры и приспособлены к новым реалиям строительства и дизайна. В докладе было показано, что современная *вастувидья* только внешне следует индийской традиции и имеет к ней очень отдаленное отношение, что является результатом непонимания непривычной, чужой культуры. Однако прослеживаются некоторые общие для религиозных традиций черты – стремление «узаконить» положения учения ссылкой на древние тексты и создание новой ритуальности.

В. В. Вертоградова (ИВ РАН, Москва) в докладе «Загадка *эдуки* – монумента опрокинутого мира (эпиграфика, эпос, пураны)» попыталась решить вопрос, что же представляла собой эта архитектурная, ритуальная конструкция. Впервые слово *эдука* засвидетельствовано в «Махабхарате» в «Ванапарве», где она описывается как монумент мира, который опрокинут. Ученые не могут прийти к однозначному мнению, является ли это описанием буддийской ступы или другого неизвестного культового сооружения. В докладе были рассмотрены аргументы за и против этих точек зрения. Докладчица считает, что *эдука* не могла возникнуть на основе развития конструкции ступы. По ее мнению, это шиваитский монумент, о чем свидетельствует фрагмент из «Пратималакшаны» «Вишнудхармотгарапураны», где описывается это архитектурное сооружение. Это подтверждается также некоторыми эпиграфическими материалами. На примере истории формирования *эдуки* как архитектурной формы докладчица поставила серьезные вопросы, касающиеся путей развития культуры и появления в ней новых приоритетов. Она предоставила большой иллюстративный

материал, показывающий, каким образом происходят пересечения шиваизма и буддизма и заимствования между этими двумя культурами.

Большинство докладов на «Рериховских чтениях» было связано с **исследованием древних и средневековых индийских произведений, с проблемами формирования их текстов, вопросами интерпретации и перевода.**

Доклад *Е. А. Уланского* (ИСАА МГУ, Москва) «Санскритская грамматика и мирская мудрость» был посвящен прочтению сутр фундаментального текста индийской грамматической традиции «Аштадхьяи» (*aṣṭādhyāyī* «Восемь уроков»), составленного Панини ($\approx$ V в. до н. э.). Этот трактат состоит из почти 4000 правил морфологии, фонетики и, частично, синтаксиса санскрита. В формулировках сутр используется множество специальных терминов и сокращений, обладающих функциональным значением [6]. На примере сутр 1.1.1 и 1.1.7 в докладе было показано, что их нельзя интерпретировать, руководствуясь только выработанными Панини и содержащимися непосредственно в «Аштадхьяи» интерпретационными правилами (*paribhāṣā*), которые докладчик именовал *парибхаша-сутрами*. Для понимания сутр он использовал дополнительные правила интерпретации (докладчик называл их просто *парибхашами*), которые грамматисты начали выделять после появления во II в. до н. э. «Великого комментария» (*mahābhāṣyam*) Патанджали к труду Панини. Докладчик обратился к *парибхашам* Нилакантхи (104 и 105) и показал, что при осмыслении сутр Панини выбор между привлечением данных *парибхаш* осуществляется из соображений здравого смысла. Эти *парибхаш* в классификации интерпретационных правил, основанной на средствах их логического обоснования, относятся к категории *lokanyāyasiddhā* («познаваемое посредством мирской мудрости»).

В докладе *Л. И. Куликова* (ВШЭ, Москва; Гентский ун-т, Гент, Бельгия) «К анализу стиха “Ригvedы” 1.120.11, или Предварительные заметки о ведийском автомобиле» был проанализирован трудный фрагмент гимна «Ригvedы» (1.120.11), в одном из неадекватных переводов которого присутствует некий «ведийский автомобиль». В этом фрагменте встречаются две морфологически неясные и вызывающие сложности при интерпретации формы *tanu* и *ūhiyāte*. Было показано, что вторая форма должна анализироваться (в соответствии с предложением Г. Ольденберга и К. Хоффманна [7; 8]) не как пассив, а как переходный интенсификатор от корня *vah* «возить». Безударную форму *tanu*, определяемую большинством ведологов (Л. Рену, А. Лубоцкий [9; 10]) как императив глагола *tan* «тянуть», по мнению докладчика, следует считать вокативом. В докладе было показано, что эта форма исторически связана с парадигмой существительного *tānū-* «тело». Такой анализ позволяет получить синтаксически более вероятную и осмысленную интерпретацию соответствующего фрагмента гимна 1.120. Кроме того, в докладе обсуждался ряд стихов («Ригveda»

10.83.5 = «Атхарваведа» 4.32.5, «Ригведа» 7.30.2), где *tānū-* является формой рефлексивного или эмфатического местоимения, что также делает возможной удовлетворительную интерпретацию.

С. С. Тавастшерна (СПбГУ, Санкт-Петербург) выступил с докладом «Небывальщины и парадоксы в древнеиндийской словесности». Так называемые небывальщины (небылицы, небылички, нелепицы) современное литературоведение относит, во-первых, к фольклору, во-вторых, к смеховой культуре. Причем эффект комичности в них достигается путем представления действительности в парадоксальном, перевернутом виде. Кроме этого, небывальщины и парадоксы являются существенной частью детского фольклора, что, по мнению докладчика, совершенно не освящено в научной литературе. Докладчик поставил своей целью выявить примеры разнообразных случаев употребления небывальщин и парадоксов и показать, как они функционируют и для чего. Однако он подчеркнул, что в индийской литературе мы непосредственно не встречаемся с фольклорной традицией – это литературный, переработанный фольклор, особенно это касается детского фольклора (в текстах говорят лишь дети, обретшие мудрость в прошлых рождениях). В докладе были приведены примеры потешных стихов, состоящих из парадоксов, дидактических стихов и загадок, а также проанализированы случаи употребления парадоксов в научной литературе (в диспутах для опровержения позиций противников), в религиозной и мистической литературе, где также могут быть использованы заимствования из народной культуры и детского фольклора.

Доклад С. О. Цветковой (СПбГУ, Санкт-Петербург) «Небывальщины и парадоксы в средневековой североиндийской поэзии» в хронологическом плане продолжал предыдущий доклад. Он был посвящен примерам использования и обработки в североиндийской поэзии XIV–XVI вв. таких фольклорных жанровых форм, как загадки, шуточные стихи, стихи-перевертыши и небывальщины, которые относятся чаще всего уже к взрослому фольклору. Одна из наиболее ранних обработок принадлежит авторству придворного поэта и летописца Амира Хусро Дехлеви. Докладчица привела примеры использования небылиц и игры слов в его загадках, а также в шуточных стихах, называемых *kaha mukarī*. Разнообразные небывальщины и парадоксы используются в разных функциях и в произведениях Кабира, поэта и мистика *ниргуна-бхакти*. Примеры этого можно найти и в его дидактических двустихиях, и в стихах более объемных письменных текстов. Небывальщины у Кабира создаются искусственно за счет образов и мотивов, которым приписывается символическое значение, которое может быть понято лишь посвященным. В основе такого стиля мистической проповеди лежит символический стиль *сидхов* и *йогов-натхов*, их так называемый сумеречный язык. Небывальщина как фольклорная форма нашла также свое применение и в кришнаитской

поэзии. Докладчица привела примеры из поэмы Сурдаса «Сурсагар», в которой небывальщины служат целью имитации народной речи.

В докладе «Способы изображения животных в литературной санскритской джатаке» А. Г. Гурия (ИСАА МГУ, Москва) показала, что в гирлянде джатак сосуществовали два (и даже три) разных способа изображения животных, что является проявлением синкретического характера этого жанра, свободно заимствовавшего элементы из разных пластов и разных жанров предшествующей традиции. В докладе было показано, как в каждом конкретном случае решается описание животного в соответствующих джатаках Арьяшуры и Харибхатты, как сочетаются и чем различаются между собой прозаические и стихотворные описания животных, нередко перетекающие одно в другое.

А. А. Фивейская (ИСАА МГУ, Москва) в докладе «Мотивный анализ сюжета “Джатаки о павлине” Харибхатты (IV–V вв. н. э.)» сравнила исследуемую джатаку с похожими палийскими джатаками 159 (*mora-jātaka*) и 491 (*mahā-mora-jātaka*) и на конкретных примерах показала, как был трансформирован исходный сюжет при сохранении ключевых моментов. Она также подробно проанализировала вставки сцен и сюжетных звеньев, которых не было в первоисточнике и которые были заимствованы из разных литературных жанров (махакавьи, городской повествовательной литературы и др.). Исследование показало, что Харибхатта прибегает к инструментарию трех современных ему художественных традиций, разных в генезисе. В этом проявилось индивидуальное художественное сознание и творческая воля автора, сумевшего из элементов, принадлежащих канону разных исходных традиций, создать гармоничный художественный текст.

Доклад Е. А. Юдицкой (ИВ РАН, Москва) «Феномен речевого сбоя как средство художественной выразительности в структуре классической санскритской драмы» был посвящен одной из особенностей классической санскритской драмы – специфическому употреблению такого композиционного приема, как речевой сбой. Выражение «речевой сбой» автор использует как термин для обобщения разного рода неосознанных, случайных ошибок, которые допускают герои пьес вследствие потери или ослабления контроля над речью. Это оговорка, ослышка, «проговор» (недосказанная речь) и невпазд брошенная реплика, а также спутанная речь персонажей во сне, в состоянии полубезумия и даже в предсмертной агонии. Докладчица показала, что такие речевые сбои являются особым средством художественной выразительности, определяющим специфику санскритской драмы на протяжении всего ее существования. Они напрямую связаны со структурой произведений – при скудности действия в санскритской драме именно нюансы речи, в том числе ошибки, почти всегда лежат в основе развития сюжета. Они имеют непосредственное отношение к завязке конфликта и могут совпадать с его кульминацией.

В докладе выводы автора были проиллюстрированы и подтверждены конкретными примерами из санскритских пьес.

О. П. Вечерина (МГППУ, Москва) в докладе «Роль “Тируттондар тиру-вандади” Намби Андар Намби в формировании шиваитского канона» показала, какое влияние рассматриваемая поэма оказала на последующую традицию. В этой поэме содержатся некоторые биографические сведения о 63 *бхактах-наянарах*. Первое их перечисление мы находим у тамильского поэта Сундарара в 39-м падигаме (11-строфном гимне) «Тируттондат тохей» («Список святых рабов»). Намби Андар Намби следует перечню Сундарара, но в отличие от него описывает личностные особенности *бхактов*, а также разнообразные способы, благодаря которым они достигают искомой цели. В его поэме мы видим вполне оформившуюся новую иерархию *бхактов*, отражающую новые социально-политические условия в тамильском социуме. Начиная с этого времени главной фигурой в этой иерархии становится автор первоначального списка Сундарар. Докладчица обратила внимание, что автор более всего выделяет тех *бхактов*, кто совершил разные жестокие и кровавые подвиги. В полной мере эта иерархия *ваннанбу* («жестокой любви») будет развернута и отчасти вновь переосмыслена уже в «Большой пуране» Секкилара, написанной в XII в. Завершающая ступень в этом переосмыслении иерархии и шиваитского канона была достигнута в творчестве Умапати Шивачарьи (XIV в.).

Н. В. Гордийчук (ГАУГН, Москва) выступил с докладом «Поэтический цикл Кабилара о князе Пари». Этот цикл входит в состав поэтической антологии *Puranāṅṅūru* («Четыреста стихов *пурам*», I–III вв. н. э.) и принадлежит к числу самых знаменитых в древнетамильской литературе. Он состоит из 20 стихотворений: 105–120, 200–202 и 236. В них повествуется история борьбы Пари с царями трех династий – Черы, Чолы и Пандья, о его гибели, о роли Кабилара в судьбе его осиротевших дочерей. В тамильской культуре Пари служит символом щедрости и благородства, его имя стало нарицательным. История Кабилара и Пари проливает свет на характер взаимоотношений между царями и поэтами, показывает, каковы были особенности древнетамильской политической культуры и системы ритуалов.

Г. Г. Хмуркин (МАИ, Москва) выступил с докладом «Смена парадигмы? Числовые “коды” в структуре индийских математических сочинений древности и средневековья». Докладчик обратил внимание на то, что в ведийский период (середина II тыс. – начало I тыс. до н. э.) во всех базовых культурных «конструкциях» заметно доминирование числа 3. Однако позже, в первой половине – середине I тыс. до н. э. начинается постепенное «вытеснение» числа 3 числом 4. В докладе был поставлен вопрос о возможности проследить смену числовых культурных кодов на материале индийских астрономо-математических текстов – было высказано предположение, что «парадигмальные» числа (прежде всего – 3 и 4) должны оказывать влияние на структуру указанных сочинений; в частности, на количество

глав. Для проверки этой гипотезы было отобрано 82 текста (VIII в. до н. э. – XVII в.) и выписано количество глав в каждом из них. Затем выяснялось, сколько среди выписанных чисел кратных 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8, что позволило увидеть определенные тенденции. При изучении делимости на 2 докладчик ожидал, что из 82 текстов с четным количеством глав будет примерно половина – 41 текст. Но таковых было выявлено 50, что свидетельствует о склонности сочинителей делить свои произведения на четное число глав. К тем же выводам докладчик пришел при изучении делимости числа глав на 4 (при ожидавшихся 20 выявлено 28 текстов) и на 8 (при ожидавшихся 10 выявлено 15 текстов). Индифферентными индийские математики и астрономы оказались к числам, кратным 3 и 6 (при ожидавшихся 27 и 14 было выявлено 31 и 16 текстов соответственно). Число 5 попало в разряд «нежелательных» (при ожидавшихся 16 выявлено всего 9 текстов). Неожиданный «всплеск интереса» зафиксирован в отношении числа 7, особенно начиная с XI–XII вв. (при ожидавшихся 12 выявлено 20 текстов).

Е. Г. Выршиков (ИВ РАН, Москва) в докладе «Опыт применения интертекстуального подхода при изучении санскритских и палийских памятников» показал трудности, с которыми неизбежно сталкивается ученый при исследовании смысла древне- и среднеиндийской лексики контекстным методом, при котором неизбежна определенная многозначность. В связи с этими трудностями докладчик обратился к идеям основоположника психолингвистики Л. С. Выготского [11] об 1) автономности смысловой области как относительно речи, так и относительно мыслительных и аффективных мотиваций; а также: 2) как следствие обширности этой области (смысловая цепочка между речевым актом и его аффективным мотивом достаточно длинная) – о ее неизбежной гетерогенности. В основе схожих смысловых доминант текста (текстов) лежит одна инварианта – семантическая единица, относящаяся к иному плану, плану глубинных смыслов. Такая инварианта опознается на тексте либо через связь с определенными лексемами (каждой инварианте соответствует несколько лексем); либо описательно, через текст некоторой длины. Последний вариант в санскритских и палийских текстах нередок, причем в палийском каноне применяется его самая примитивная разновидность – литературное клише. Докладчик предложил применять контекстный и инвариантный методы параллельно при исследовании текста, что в перспективе приблизит к верному пониманию понятия «интертекст».

Доклад *К. П. Шрестхи* (ИВ РАН, Москва) «Некоторые особенности праздника семи неварских селений юго-западной части Долины Катманду» посвящен **изучению древнего ритуала, сохранившегося до наших дней**. Он рассказал о празднике Бакхумада или Бакхумала. Его отмечают жители семи деревень, расположенных в юго-западной части долины Катманду – Непалмандал. В группу семи деревень, расположенных между горами Чандрагири и Дахачок, входят такие селения, как Маччхегаун,

Босигаун, Лхокха, Сатунгал, Киртипур, Панга и Нагаун. Этот совместный праздник отмечается у слияния рек Индрамати (Балкхухола) и Икчхумати (Тхадокхоло), расположенных у Тинтхана (Наикап). На этом месте находится святыня богини Вишнудеви. В народе это уникальное празднование называется «праздник семи деревень» (нев. *нхаиган-джатра*). В докладе подробно описан этот праздник, длящийся 16 дней, рассказано об основных обрядах и легендах, лежавших в его основе.

Доклад А. Г. Мехакяна (ММС, Москва) «Санскрит и индийская философия в творчестве композитора А. Н. Скрябина» был сделан на основе **изучения архивных материалов** этого композитора. В его личной библиотеке докладчику удалось обнаружить изданное в 1890 г. в Париже пособие по изучению ведийского санскрита, авторами которого являлись французские ученые А. Бергенъ и В. Анри [12]. По нему Скрябин пытался самостоятельно выучить ведийский санскрит. Опираясь на лексический материал этой книги, композитор последовательно работал над составлением санскритского словаря важнейших философских и драматических понятий, которые планировал использовать в хоральных партиях своих музыкальных опусов. Анализ санскритских штудий Скрябина позволил автору выявить склонность композитора к санскритизации своих сочинений с целью придать им сакральный характер, что является уникальным явлением в мировой культуре. Здесь перед исследователем открывается особое направление музыкальной ориенталистики. Докладчик также рассказал о своих исследованиях других архивных материалов – эпистолярного наследия, рабочих тетрадей, поэтико-философских текстов Скрябина, которые свидетельствуют об интересе гениального композитора к санскриту и индийской философии.

Заключение

На Рериховских чтениях большинство докладов было связано с изучением подлинных древних и средневековых текстов (санскритских, тибетских, китайских, японских). Это и религиозные, и художественные произведения, а также философские трактаты, тексты по грамматике и математические сочинения. Докладчики касались различных проблем формирования текста, предлагали новые методы работы с ним. Много докладов было посвящено исследованию памятников изобразительного искусства, в том числе из собрания Ю. Н. Рериха и архива И. П. Минаева.

Деление докладов в обзоре на некоторые темы является чисто условным: ученые, занимающиеся исследованием древних культур, будь то религиозные, научные, философские, литературные произведения, или же произведения изобразительного искусства, вынуждены работать с текстами на оригинальных языках, быть одновременно и историками, и филологами, и культурологами, хорошо разбираться в философских и религиозных воззрениях исследуемых стран. По традиции на Рериховских

чтениях доклады разной тематики не были разделены по секциям и звучали на единой площадке, что давало простор для междисциплинарного обсуждения затронутых проблем. Решая частные задачи, исследователи ставили более широкие вопросы – как развивалась и развивается культура исследуемого региона, каковы отличия восточной культуры от европейской, как взаимодействуют и влияют друг на друга культурные традиции различных религий и стран. Доклады, вызвавшие наибольший интерес, предполагается опубликовать в очередном выпуске серийного издания «Индия – Тибет» под редакцией В. В. Вертоградовой.

Список сокращений

- ВШЭ – Высшая школа экономики, г. Москва, Россия
State Academic University for Humanities, Moscow, Russia
ГАУГН – Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва, Россия
State Academic University for Humanities, Moscow, Russia
Гентский ун-т – Universiteit Gent (Нидерл.), Гент, Бельгия
Ghent University, Ghent, Belgium
ГИИ – Государственный институт искусствознания, г. Москва, Россия
The State Institute of Art Studies of the Russian Federation, Moscow, Russia
ММС – Мемориальный музей А. Н. Скрябина. г. Москва, Россия
Alexander Scriabin Memorial Museum, Moscow, Russia
ИВ РАН – Институт востоковедения Российской академии наук, г. Москва, Россия
Institute of Oriental studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ИСАА МГУ – Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва. Россия.
Institute of Asian and African Countries, Moscow State University M.V. Lomonosov, Moscow, Russia
ИВ НАН – Институт востоковедения им. А. Е. Крымского Национальной академии наук Украины, г. Киев, Украина
Institute of Oriental Studies. A. Yu. Krymsky National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine
ИФ РАН – Институт философии РАН, г. Москва, Россия
Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
МАИ – Московский авиационный институт, г. Москва, Россия
Moscow Aviation Institute, Moscow, Russia
МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences
МГППУ – Московский городской психолого-педагогический университет, г. Москва, Россия

CHRONICLE

Tyulina E. V. LX George Roerich Annual International Meeting...
Orientalistica. 2021;4(2):527–544

Moscow City University of Psychology and Education, Moscow, Russia
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия
St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Литература

1. Roerich G. The Ceremony of Breaking the Stone. *Journal of Urusvati Himalayan Research Institute of the Roerich Museum*. 1932;2(4):25–52.
2. Записки Тулишэня о его поездке в составе Цинского посольства к калмыцкому хану Аюке в 1712–1715 гг. *Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы*. Т. 1. 1700–1725. М.: Наука; 1978. С. 437–483.
3. Рерих Ю. Н. Звериный стиль у кочевников Северного Тибета. В: Воробьева-Десятовская М. И. *Рерих Ю. Тибет и Центральная Азия. Статьи, лекции, переводы*. Самара: Агни; 1999. С. 29–55.
4. Рерих Ю. Н. Кочевые племена Тибета. *Страны и народы Востока*. Вып. 2. М.: Изд-во вост. лит.; 1961. С. 7–12.
5. Roerich G. N. *Trails to Inmost Asia: Five years of exploration with the Roerich Central Asian Expedition*. New Haven: Yale University Press; 1931. 504 p.
6. Волошина О. А. Шива-сутры как важнейший элемент метаязыка грамматики Панини. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. СПб.: Наука–СПб.; 2016. С. 473–497.
7. Oldenberg H. *Rgveda. Textkritische und exegetische Noten (2). Siebentes bis zehntes Buch*. Berlin: Weidmann; 1912. 392 S.
8. Hoffmann K. *Vedica. Münchener Studien zur Sprachwissenschaft 41*: Dettelbach: Josef H. Röhl; 1982. S. 61–94.
9. Renou L. *Études védiques et pāṇinéennes*. Vol. XVI. Paris: Boccard; 1967. 185 p.
10. Lubotsky A. Vedic samaha 'verily'. *Indo-Iranian Journal*. 1995;38(3):257–260.
11. Выготский Л. С. *Мышление и речь*. М.: Лабиринт; 1996. 416 с.
12. Bergaigne A., Henry V. *Manuel pour étudier le Sanscrit Védique. Précis de grammaire, chrestomathie, lexique*. Paris: Emile Bouillon, Libraire-éditeur; 1890. 353 с.

References

1. Roerich G. The Ceremony of Breaking the Stone. *Journal of Urusvati Himalayan Research Institute of the Roerich Museum*. 1932;2(4):25–52.
2. Tulishen's notes on his trip as part of the Qing embassy to the Kalmyk Khan Ayuka in 1712–1715. *Russian-Chinese relations in the XVIII century. Materials and documents*. Vol. 1. 1700–1725. Moscow: Nauka; 1978, pp. 437–483 (In Russ.)
3. Roerich G. N. The Animal Style among the Nomad Tribes of Northern Tibet. In: Vorob'ova-Desyatovskaya M. I. (ed.) *Roerich G. Tibet and Central Asia: Articles, Lectures, Translations*. Samara: Agni, 1999, pp. 29–55. (In Russ.)
4. Roerich G. N. Nomadic Tribes of Tibet. *Countries and peoples of the East*. Vol. 2. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoi literatury, 1961, pp. 7–12. (In Russ.)
5. Roerich G. N. *Trails to Inmost Asia: Five years of exploration with the Roerich Central Asian Expedition*. New Haven: Yale University Press; 1931. 504 p.

6. Voloshina O. A. Shiva-Sutras as the most important element of the metalanguage of the Panini grammar. *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research*. St. Petersburg: Nauka-SPb.; 2016, pp. 473–497. (In Russ.)

7. Oldenberg H. *Rgveda. Textkritische und exegetische Noten (2). Siebentes bis zehntes Buch*. Berlin: Weidmann; 1912. 392 S.

8. Hoffmann K. *Vedica. Münchener Studien zur Sprachwissenschaft* 41: Dettelbach: Josef H. Röhl; 1982, SS. 61–94.

9. Renou L. *Études védiques et pāṇinéennes*. Vol. XVI. Paris: Boccard; 1967. 185 p.

10. Lubotsky A. Vedic samaha 'verily'. *Indo-Iranian Journal*. 1995;38(3):257–260.

11. Vygotsky L. S. *Thinking and speech*. M.: Labyrinth; 1996, 416 p. (In Russ.)

12. Bergaigne A., Henry V. *Manuel pour étudier le Sanscrit Védique. Précis de grammaire, chrestomathie, lexique*. Paris: Emile Bouillon, Libraire-éditeur; 1890. 353 p.

Информация об авторе

Тюлина Елена Валерьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Востока Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Information about the author

Elena V. Tyulina – Ph. D. (Hist.), Senior Research Fellow, Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Author's Links

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10 марта 2021
Одобрена после рецензирования: 24 марта 2021
Принята к публикации: 26 марта 2021
Опубликована: 29 июня 2021

Article info

Submitted: March 10, 2021
Approved after peer reviewing: March 24, 2021
Accepted for publication: March 26, 2021
Published: June 29, 2021

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«Orientalistica» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Peer review info

Orientalistica thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.